Ф. Д. БАТЮШКОВ

Избранное

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«И мимолетные встречи с большим человеком оставляют в душе заметный след, к которому невольно возвращаешься. Чехов был для меня долгое время знакомым-незнакомцем, ибо переписываться я с ним стал с 1897 г., а увиделся лично впервые в 1902 г. Письма Чехова теперь всеми оценены, собраны, изданы, об их качествах может судить всякий наделенный вкусом человек…»

- Федор Дмитриевич Батюшков
  - ○
- notes
  - ○ Примечания
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4
    - ■ 5
    - ■ 6
    - ■ 7
    - ■ 8
    - ■ 9
    - ■ 10
    - ■ 11
    - ■ 12
    - ■ 13
    - ■ 14
    - ■ 15
    - ■ 16
    - ■ 17
    - ■ 18
    - ■ 19
  - ○ Комментарии
    - ■ 1
    - ■ 2
    - ■ 3
    - ■ 4

Федор Дмитриевич Батюшков
Две встречи с А. П. Чеховым

И мимолетные встречи с большим человеком оставляют в душе заметный след, к которому невольно возвращаешься.[1] Чехов был для меня долгое время знакомым-незнакомцем, ибо переписываться я с ним стал с 1897 г., а увиделся лично впервые в 1902 г. Письма Чехова теперь всеми оценены, собраны, изданы, об их качествах может судить всякий наделенный вкусом человек.[2] Удивительно, что он так раскрывался в письмах и перед адресатом, которого никогда не видал, что он мог писать не зная человека, словно своему хорошему знакомому, и даже как-то индивидуализируя обращение, придавая ему характер некоторой интимности. Обыкновенно ведь, когда пишешь письмо, мысленно представляешь себе, к кому обращаешься, и это влияет на стиль и содержание письма. У Чехова этого не было: он остается везде самим собой, и, может быть, прав был Куприн в своих воспоминаниях об Антоне Павловиче, что он совершенно с равным вниманием относился ко всем, с кем приходилось ему разговаривать[3] – добавляю – и переписываться. Ему достаточно было двух-трех указаний от общих знакомых, понаслышке, кто данное лицо, обратившееся к нему с письмом (в настоящем случае первым посредником нашего «знакомства по письмам» был В. А. Гольцев[4], несколько позже – жена А. П., артистка Московского Художественного Театра О. Л. Книппер, с которой я был знаком по ее деятельности в театре Станиславского и Немировича-Данченко)[5], – Антон Павлович писал как бы к знакомому человеку[6] и даже сообщая то, что особенно должно было интересовать его по правдоподобному предположению (напр., он сообщал мне из Ниццы о деле Дрейфуса и роли Зола в этом деле{1}, писал свои впечатления о Горьком, сообщал о постановках своих пьес и т. д. – все это выходило за пределы «деловых» писем к редактору журнала, в котором Чехов согласился сотрудничать).[7]

И вот к обаянию крупного писателя прибавилось обаяние необыкновенно привлекательного человека, которого как-то нельзя было не полюбить, хоть несколько приблизившись к его личной жизни. Это происходило, конечно, от душевных свойств самого Чехова, в котором была эта притягивающая сила любви. Всякая получка письма от него была настоящим праздником, и чем больше я вчитывался в его произведения, тем яснее обрисовывался мне и человек, стоявший к вам так высоко и так

близко.

И вот, весной 1902 г., проездом через Москву на юг России, я решился остановиться между двумя поездами, узнав, что Чехов в Москве, и поехал к нему на авось, без предупреждения.

На вопрос: «Дома ли Антон Павлович?» я услышал, вероятно, общее распоряжение для всякого нового лица: «Дома нет». Я подал карточку и просил доложить Ольге Леонардовне. Через минуту меня попросили войти в кабинет; Антон Павлович вошел быстрым и, показалось мне, бодрым шагом, с веселой улыбкой, приветливый, радушный: «Это вы? Наконец-то, давно пора… Садитесь. Ну, что, скоро у нас будет конституция?»{2}

Наружность Чехова много раз описывали. Меня только поразило, что он выше ростом, чем я представлял себе. Затем покоряли глаза и удивительно приятный тембр голоса. Глаза вовсе не голубые, как писали, а карие, лучистые, ласковые и немного вопросительные.[8] Антон Павлович сел спиной к свету, но только сошла улыбка с его лица, обнаружились морщины, землистый цвет кожи, что-то болезненно потухающее. Вслед за А. П. вошли его жена и артист Вишневский[9]. Через несколько минут первая робость от встречи с «самим» Чеховым прошла, и я почувствовал себя, как с добрым, старинным хорошим знакомым, удивительно ласковым, внимательным, сердечным. Говорили о политике – ибо Антон Павлович был в полосе, когда он действительно настойчиво и нетерпеливо ожидал «конституции», которую, как он шутя заявлял в одном письме, уже даровал своим карасям в Мелихове.[10]

Чехов расспрашивал о настроениях в Петербурге, жаловался, что очень тяготится вынужденным пребыванием в Ялте, которая ему сильно надоела. Напомнил о его болезни машинальный жест, который я сделал, вынув папиросник и спрашивая у хозяйки разрешения закурить. Вишневский покачал головой и строго сказал мне, что в присутствии А. П. курить нельзя. Но Чехов, насупив брови, остановил его: «Вы видите – окно открыто; я очень прошу вас, закурите» – и сам подал мне спички.

Я подошел к окну, чтобы не подчеркивать своей неловкости, но, конечно, постарался поскорее бросить папироску. И эта случайная рассеянность неисправимого курильщика мне испортила настроение: я уже не мог отделаться от впечатления, что передо мною больной, приговоренный человек, который может лишь протянуть некоторое время, принимая всякие предосторожности. Что-то сжалось внутри.

Пересев снова на прежнее место, возле хозяйки, я заметил, что никак не ожидал, чтобы Антона Павловича так захватили вопросы общественности и политики, так как полагал, что

искусство ему всего дороже. «Об искусстве поговорим в другой раз, – заметил А. П. – Теперь надо, чтобы в России создались более сносные условия для существования. Мы ужасно отстали. Вот приеду в Петербург, дам вам знать, поговорим. Нужно, очень нужно мне побывать в Петербурге».

На этом мы расстались, так как я спешил на поезд.

* * *

Через год Чехов действительно приехал в Петербург[11] и дал мне знать через К. П. Пятницкого[12], чтобы я зашел повидаться с ним. Я попал только в 11-ом часу вечера, ибо все время было заранее разобрано. Застал за чайным столом Чехова, Горького, еще несколько человек. Антон Павлович отозвал меня в сторону и шепнул: «Заканчиваю пьесу…» – «Какую? Как она называется? Какой сюжет?» – «Это вы узнаете, когда она будет готова. А вот Станиславский, – улыбнулся Чехов, – не спрашивал меня о сюжете, пьесы не читал, только спросил, *что* в ней будет, т. е. какие звуки? И ведь представьте, угадал и нашел. У меня там в одном явлении должен быть слышен за сценой звук, сложный, коротко не расскажешь, а очень важно, чтобы было то именно, что мне слышалось. И ведь Константин Сергеевич нашел как раз то самое, что нужно… А пьесу в кредит принимают», – снова улыбнулся Антон Павлович. «Неужели так важно – этот звук?» – спросил я. Чехов посмотрел строго и коротко ответил: «Нужно». Потом улыбнулся: «А Вам сюжет хочется знать? Нет, теперь не буду рассказывать, пока не закончу».

Звук, о котором шла речь, как известно теперь, – это некое предзнаменование того, что должно было произойти. Чехов в ремарке указывает, что он напоминает шум упавшей бадьи в шахте, и в «Вишневом саду» во втором акте и в последней картине он играет особую роль[13]. Когда-то Чехов его слышал в натуре, и он сильно запечатлелся в его памяти. Упоминается он и в одном из его более ранних рассказов, и Чехов словно придавал ему какое-то мистическое значение.[14] Любопытно во всяком случае, что этот аксессуар пьесы найден был Станиславским раньше не только постановки пьесы, но и знакомства с ней.

«Скажу только, что театр – ужасная вещь, – продолжал Чехов. – Так он затягивает, волнует, поглощает…». «Пойдемте пройтись», – неожиданно предложил он.

Мы вышли на Невский. Антон Павлович сказал сперва, что проводит меня до Литейного, а потом я проводил его до Надеждинской, он снова повернул, и мы так раза три прошлись

взад и вперед.[15]

Чехов почти исключительно говорил о театре, но не в теории, а о том, какое это своеобразное, одновременно захватывающее и выбивающее из колей жизни учреждение, о тех испытаниях, через которые проходит драматург, когда доверяет свое произведение чужим исполнителям, – как ни близок он к артистам Московского Художественного Театра, а все же это другие, через посредство которых публика узнает его пьесу; постановка нового произведения совершенно изматывает нервы писателя; а все же в театре огромная притягательная сила. «Лучше, много лучше писать повести и рассказы, – говорил А. П. – Себе больше принадлежишь. Владеешь собой и своим матерьялом, но…» В его признаньях звучало что-то лично наболевшее, говорил отрывисто, словно про себя, подчеркивая в особенности, что раз человек отдался театру, он себе больше не принадлежит.

На ходу А. П. по временам вынимал из бокового кармана коробочку, в которую откашливался. Я понял, что это, и стал опасаться, что ночная прогулка вряд ли ему в пользу. Но Чехов на мой вопрос – не пора ли ему домой, предложил еще пройтись и заговорил о том, что приедет зимой в Петербург на более продолжительный срок. «Теперь я только на рекогносцировке, – пошутил он. – А Ялта страшно надоела». Заговорил он о Толстом, о Короленко, о Куприне. «Я очень люблю Короленко, – сказал А. П., – и досадую, что Толстой не может освободиться от предубеждения. Вы знаете – это все по поводу недосмотра о луне в Пасхальную ночь… Сущий пустяк, а старик обобщает. Но теперь уже начинает сдаваться. Особенно после „У казаков“: чудесная вещь, особенно сцена в трактире „Плевна“. Вы ведь помните?{3} – А. И. Куприн очень талантлив – этого Лев Николаевич сразу воспринял.[16] Я хорошо его знаю.[17] Одно с ним трудно – слишком мнителен, не знаешь за что – вдруг обидится…» «Ну и что же?» – спросил я. «Нельзя, чтобы человек обижался, – взволнованно заговорил Антон Павлович. – Себя упрекаешь – не сказал ли чего ненужного, не задел ли чем нечаянно, – сложный он, наболевший… Ну, так зимою мы с вами еще увидимся, а завтра я уезжаю. Вернусь, непременно вернусь, и тогда вдоволь потолкуем, а пока до свиданья».

Но Чехов не вернулся. Последнее письмо, которое я от него получил, датировано 19 января 1904 г. В нем как раз шла речь о первом представлении пьесы, о которой он рассказывал, не называя ее, – о «Вишневом саде». Возражая на «незаконность» устроенного ему юбилея, который по его расчетам мог придтись лишь в 1905 г., Антон Павлович писал мне: «Как бы то ни было, на первом представлении „Вишневого сада“, 17 января, меня

чествовали, и так широко, радушно и в сущности так неожиданно, что я до сих пор не могу придти в себя… Если вы приедете на масленице, то это хорошо. Только, как думаю, не раньше масленицы наши актеры придут в себя и будут играть „Вишневый сад“ не так растерянно и неярко, как теперь…»{4}

Но Чехова я больше не видел. Как известно, он вскоре должен был уехать в Баденвейлер.[18] Когда привезли его тело в Петербург, Ольга Леонардовна мне телеграфировала, но меня не было в Петербурге, так что я не попал и на похороны в Москве.[19]

Тихо скончался великий писатель, и его вдова при первом затем свидании осенью сказала мне: «Ведь смерти нет! Он ушел, но где-то жив, жив, я его чувствую, смерти нет». Жив, конечно, в том, что создал и где вечен его дух. Он мне неоднократно вспоминается, как большая, большая тень, которая шла со мной по Невскому поздно ночью, тень, к которой я жадно прислушивался, ловя и запоминая каждое слово, и потом на перекрестке двух улиц она внезапно исчезла. И я все жду ее возвращенья. Но когда мне пришлось увидеть «Вишневый сад», я уже не мог поделиться своими впечатлениями с незабываемым писателем, которого эта пьеса была лебединой песнью.

notes

Примечания

1

Наскоро мною были записаны эти встречи с Чеховым для печати, так как редактор «Солнца России» непременно требовал что-нибудь о «личном знакомстве». Я не умею отказывать, предупредив, что могу дать лишь очень немногое. Теперь дополняю недосказанное и недописанное.

2

Имеются в виду: Письма А. П. Чехова. М., 1912–1916. Т. 1–6 (2-е изд., испр. и доп. М., 1913. Т. 1–3).

3

«Я глубоко убежден в том, – писал А. И. Куприн, – что Чехов с одинаковым вниманием и с одинаковым проникновением, любопытством разговаривал с ученым и с разносчиком, с просящим на бедность и с литератором, с крупным земским деятелем и с сомнительным монахом, и с приказчиком, и с маленьким почтовым чиновником, отсылавшим ему корреспонденцию» (Чехов в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 417).

4

Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) – юрист, литератор, общественный деятель, редактор журнала «Русская мысль»; друг Чехова, с которым находился в постоянной и весьма интенсивной переписке.

5

Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959) – жена Чехова с 1901 года.

6

До настоящего времени выявлено 18 писем Чехова к Батюшкову (все они вошли в Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1974–1983. Далее ссылки на это издание даются сокращенно) и 24 письма Батюшкова к Чехову (см.: Архив А. П. Чехова. Аннотированное описание писем к А. П. Чехову. М., 1939. Вып. 1. С. 16; письмо от 14 января 1904 года опубликовано полностью (см. примеч. 20); ряд фрагментов приведен в комментариях к письмам Чехова в Полн. собр. соч. и писем).

7

Возглавив в 1897 году русский отдел международного журнала «Cosmopolis», Батюшков обратился к многим русским писателям и деятелям культуры с предложением принять участие в новом издании. Чехова он собирался с этой целью посетить, но этот визит не состоялся, и предложение было изложено в письме, на которое Чехов ответил благодарностью, согласием и пожеланием Батюшкову успеха. Этот обмен письмами и явился началом их переписки, продолжавшейся до января 1904 года.

8

См. сходное наблюдение А. И. Куприна: «Многие впоследствии говорили, что у Чехова были голубые глаза. Это ошибка, но ошибка до странного общая всем, знавшим его. Глаза у него были темные, почти карие, причем раек правого глаза был окрашен значительно сильнее, что придавало взгляду А. П., при некоторых поворотах головы, выражение рассеянности» (Там же. С. 406). О «голубых, лучистых и глубоких» глазах Чехова писал, например, В. Г. Короленко (Там же. С. 73).

9

Вишневский Александр Леонидович (1861–1943) – артист МХТ, товарищ Чехова по таганрогской гимназии.

10

Батюшков имел в виду следующую фразу из письма Чехова к В. Н. Ладыженскому от 4 февраля 1899 года: «Караси мои здравствуют и уже настолько созрели, что хочу дать им конституцию» (Письма. Т. 8. С. 72; впервые опубликовано: На памятник А. П. Чехову. Стихи и проза. СПб., 1906. С. 176).

11

В Петербурге Чехов пробыл всего один день – 14 мая 1903 года (см.: *Гитович Н. И.* Летопись жизни и творчества А. П. Чехова. М., 1955. С. 748–749).

12

Пятницкий Константин Петрович (1864–1938) – литературный деятель, один из основателей и руководителей товарищества «Знание».

13

Имеется в виду «отдаленный звук, точно с неба, звук лопнувшей струны, замирающий печальный», который фигурирует в пьесе дважды, во втором и четвертом действиях, оба раза в авторских ремарках. Предположение, что «где-нибудь далеко в шахтах сорвалась бадья», высказывает Лопахин во втором действии.

14

Речь идет о рассказе «Счастье» (1887).

15

Адрес Батюшкова в это время – Литейный пр., 15.

16

См.: Лев Толстой об искусстве и литературе. Т. I. С. 237–239, 242, 243; Т. II. С. 154, 166, 169–171, 174, 179, 365, 372, 428.

17

См.: *Корецкая И. В.* Чехов и Куприн // Лит. наследство. 1960. Т. 68. С. 363–378.

18

Баденвейлер – немецкий курортный городок, куда Чехов выехал 3 июня 1904 года.

19

Тело писателя, скончавшегося в Баденвейлере 2 июля 1904 года, было доставлено в Петербург, где «на дебаркадере [Варшавского вокзала] оказалась лишь незначительная горсточка из железнодорожных репортеров и нескольких человек учащейся молодежи» (Московские ведомости. 1904. 10(23) июля. № 188), а оттуда перевезено в Москву; похороны состоялись 9 июля на Новодевичьем кладбище при огромном стечении народа (см.: *Долинский М., Чертой С.* Последний путь Чехова // Русская литература. 1962. № 2. С. 190–201).

Комментарии

1

Это было письмо от 23 января (4 февраля) 1898 года. Речь идет о сфабрикованном «деле» капитана французской армии (еврейского происхождения) Альфреда Дрейфуса, незадолго перед тем вторично осужденного за шпионаж, и знаменитом выступлении в его защиту Эмиля Золя. «У нас только и разговора, – писал Чехов, – что о Зола и Дрейфусе. Громадное большинство интеллигенции на стороне Зола и верит в невинность Дрейфуса. Зола вырос на целых три аршина; от его протестующих писем точно свежим ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава Богу, есть еще справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому вступиться. Французские газеты чрезвычайно интересны, а русские – хоть брось. „Новое Время“ просто отвратительно» (Письма. Т. 7. С. 157).

2

Ср. в воспоминаниях А. И. Куприна: «Странно – до чего не понимали Чехова! Он – этот „неисправимый пессимист“, как его определяли, – никогда не уставал надеяться на светлое будущее, никогда не переставал верить в незримую, но упорную и плодотворную работу лучших сил нашей родины. Кто из знавших его близко не помнит этой обычной излюбленной Фразы, которую он так часто, иногда даже совсем не в лад разговору, произносил вдруг своим уверенным тоном: „Послушайте, а знаете что? Ведь в России через десять лет будет конституция“. Да, даже и здесь звучал у него тот же мотив о радостном будущем, ждущем человечество, который отозвался во всех его произведениях последних лет» (Чехов в воспоминаниях современников. С. 409).

3

См.: Лев Толстой об искусстве и литературе. М., 1958. Т. I. С. 244; Т. II. С. 117, 129, 139, 150, 151, 177, 178, 180, 494. Об отмеченной Толстым «непростительной небрежности» Короленко см. свидетельство А. Б. Гольденвейзера (Там же. Т. I. С. 298). Имелся в виду рассказ «В ночь под Светлый праздник» (1885) и в первую очередь слова «Луна не поднималась» (в соответствии с установлениями Никейского собора, Пасха должна отмечаться в первое воскресенье после весеннего равноденствия и полнолуния). В очерках «У казаков (Из летней поездки на Урале)» (1901) сцена, о которой говорит Чехов, составляет часть очерка XI. Ср. более позднее изложение этой беседы в статье Батюшкова «Правда вымысла и правда жизни в произведениях Вл. Гал. Короленко»: «Помню один разговор с А. П. Чеховым, который очень любил Короленко, хвалил его, но не во всем одобрял. Это было за год до кончины Чехова. Мы шли, беседуя ночью по Невскому, взад и вперед, между Литейным и Надеждинской, и как будто Чехов все хотел что-то досказать. Наконец он высказал – это было по поводу сдержанного и недоверчивого отношения Л. Н. Толстого к Короленко как к писателю. „Но я нашел чем победить его предубеждение, – поспешил заверить Антон Павлович. – Вы помните, конечно, очерки „У казаков“… Там есть сцена в трактире… Превосходная… Я дал ее прочесть Льву Николаевичу… Никакой выдумки, все верно, правдиво, ярко…“ В последние годы жизни Толстой действительно иначе относился к Короленко, чем раньше» (Современная иллюстрация. 1913. Июль. № 7. С. 100).

4

Ответ на письмо Батюшкова из Петербурга от 14 января 1904 года, в котором он, зная о предстоящем чествовании писателя в связи с 25-летием его литературной деятельности и не имея возможности сделать это лично, горячо его приветствовал. «Как ни банальны всякие выражаемые пожелания, – писал Батюшков, – это простая потребность сердца их высказать, привязавшись к тому или другому поводу, и суть, конечно, не в выражениях, а в сильном желании всего лучшего дорогому лицу, к которому питаешь огромную признательность за то, что он вам дал и чем он для вас представляется. Сколько Вы нам дали нового, неожиданного, проникновенного, как научили видеть и показали, как следует творить. Для многих, идущих за Вами, Вы истинный учитель, который ведет за собой целую новую школу молодых писателей, и они должны быть Вам особо признательны. Но ценить Вас дано всякому, ценить и чувствовать все Ваше значение. На Ваших произведениях я переживаю большой период в своей жизни, после университета, ибо Вы духовный вождь целого поколения, к которому и я принадлежу» (Гос. Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Записки Отдела рукописей. М., 1941. Вып. VIII. С. 36–37).